

О СТАТЬЕ РУДОЛЬФА КАРНАПА «ПСИХОЛОГИЯ НА ЯЗЫКЕ ФИЗИКИ»*

Н.С. ЮЛИНА

В нынешней зарубежной литературе принято считать (в этом легко можно убедиться, пролистав энциклопедии и коллективные труды), что история современной философии сознания, в том числе ее физикалистской версии, ведет свое реальное начало с середины XX в. и связана с именами Дж.Дж. Смарта, Ю.Т. Плейса, Д. Армстронга, Г. Фейгля, П. Фейерабенда, Р. Рорти, Х. Патнэма и др., что именно их концепции определили *mainstream* философского развития, который сказывается по сей день. Если же обратиться к содержанию работ этих авторов, нетрудно увидеть, что многие парадигмальные идеи, мотивы, стимулы и общая стилистика уходят своими корнями в дискуссии, которые двумя десятилетиями ранее вели неопозитивисты – Мориц Шлик, Карл Гемпель, Отто Нейрат и Рудольф Карнап¹. Для «пятидесятников» неопозитивизм одновременно был и объектом критики, и источником конструктивных идей. Когда следующее поколение философов сделало объектом критики «пятидесятников», неопозитивисты были отодвинуты в тень или преданы забвению. Характерно, например, что в статье «Физикализм» в «Стэнфордской энциклопедии по философии» имя Карнапа не упоминается. Между тем многие сложившиеся еще в 1930-е гг. паттерны имплицитно или эксплицитно сказываются и в нынешних дискуссиях.

В связи с этим очень кстати придется перевод и публикация статьи Рудольфа Карнапа «Психология на языке физики». В российской литературе по неопозитивизму (и в энциклопедиях) эта статья редко упоминается, а между тем она была важным сегментом неопозитивистской программы.

Карнап начинает статью такими словами:

«В данной статье разъясняется и обосновывается тезис о том, что любое предложение психологии может быть сформулировано в физическом языке; (используя содержательный способ выражения:) что во всех предложениях психологии говорится о физических процессах, а именно, о физическом поведении людей и других животных. Это – часть общего тезиса физикализма, в соответствии с которым физический язык является универсальным языком, т.е. языком, на который может быть переведено любое предложение. Этот более общий тезис обсуждался в нашей прежней статье², на формулировке которой мы будем здесь

* Работа подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Сознание: философские и научные векторы исследования в англоязычной мысли», грант № 11-03-00421.

опираться. Прежде всего, кратко воспроизведем здесь некоторые результаты наших предыдущих исследований»³.

У Карнапа были две стратегические задачи. Первая состояла в обосновании эмпирического базиса знания: нужно было показать, каким образом теоретические высказывания высшего уровня (теории) можно редуцировать к высказываниям, описывающим непосредственный опыт и подвергнуть их формализации (высказывания, не отвечающие этим требованиям, следовало считать псевдо-высказываниями). Для реализации этой стратегии им был предложен логико-лингвистический прием — анализ знания через его языковое выражение с применением к нему методов современной логики и семиотики.

Вторая задача состояла в доказательстве единства знания, или единства науки. Исходя из приоритетности логико-лингвистического анализа (лингвистического монизма), все проблемы надлежало переводить в плоскость логико-методологических средств той или иной дисциплины и на их основе вводить в рамки «единой науки». Согласно Карнапу, науки различаются не природой исследуемых объектов, а различными языками. Эти языки в принципе переводимы в физикалистский язык — наиболее универсальный, intersубъективный и лучше всего поддающийся формализации. Именно такой вариант редукции он предлагал применять ко всем дисциплинам, включая биологию, химию, социологию, психологию. Важно иметь в виду, что под «физикой» Карнап понимал «не систему известных на сегодня физических законов, а науку, которая характеризуется следующим типом образования понятий: каждое понятие сводится в конечном итоге к “параметрам состояний”, которые по определенным процедурам устанавливают соответствия между числами и пространственно-временные точки. Тогда мы можем сформулировать наш тезис, который является частью общего тезиса *физикализма*, следующим образом: *психология есть отрасль физики*»⁴.

В рамках этих двух стратегий — обоснования возможности эмпирически удостоверенного базиса знания и на этой основе доказательства возможности единой науки — «камнем преткновения» была традиционная философия сознания с ее ментальными понятиями «сознание», «психика», «интенциональность», «свобода воли» и др., а также сопряженная с ней психология, которая продолжала считать, что психические события исследуются отличными от исследования природы методами — путем самоотчетов индивидов о внутренних духовных состояниях. Карнап считал, что высказывания, содержащие ментальные термины или ссылки на субъективные переживания, не поддаются рациональному обоснованию и порождают псевдопроблемы. Одним словом, не убрав с дороги «ментализм», нельзя доказать «единство науки». Этот тезис не предполагал того, что психология

должна отказаться от своего предмета; она может заниматься им, используя привычный язык, но чтобы этот язык можно было признать рациональным, он должен отвечать жесткому требованию — он должен быть переводимым в физикалистский язык.

Чтобы решить эту задачу, Карнапом был предложен метод «трансляции». Как мыслилась трансляция? Это особый лингвистически-бихевиористский прием для осуществления теоретической редукции неопределенного языка психологии в физикалистский язык. В металингвистических дискуссиях, поясняет Карнап, важно проводить различие между *материальным модусом речи*, когда предложения данного языка говорят о каком-либо объекте (в этом модусе речи они могут вводить в заблуждение), и более корректным *формальным модусом речи* (когда способ использования слов подвергается анализу и преобразуется в системный язык). Именно формальный модус речи с его системным языком позволяет избежать ошибки редукции. Для подчеркивания этого эпистемологического различия Карнап ввел понятие *протокольного языка*, в котором предложения формулируются в материальном модусе речи, т.е. о непосредственно данных вещах, и понятие *системного языка*, в котором формулируются предложения, способные входить в формальный язык науки. Каждому предложению системного языка соответствует некоторое предложение физикалистского языка таким образом, что два предложения взаимотранслируемы. Задача состоит в показе возможной взаимотранслируемости и для предложений психологии. Психология отличается от других наук использованием специфических для нее категорий и высказываний, однако по структуре и синтаксису ее язык принципиально не отличается от языков других наук, что делает возможным перевод языка психологии в физикалистский язык. Различные протокольные языки, таким образом, выступают под-языками (*sub-languages*) и входят как подчиненные в физикалистский язык — универсальный и интерсубъективный. Это и есть тезис физикализма⁵. Различные области науки, включая психологию, становятся частью единой науки.

Строго говоря, метод «трансляции» Карнапа не был радикальным. Он не предполагал прямолинейную редукцию ментальных событий к нейрофизиологическим процессам мозга, а тем более микроредукцию психических событий к атомам, протонам и прочим микроэлементам. Карнап говорил, что поскольку на нынешнем уровне научного развития нам не известны факты микрофизиологии или микрофизики, рассуждать в этих терминах преждевременно, разумнее ограничиться лингвистическим уровнем. При таком анализе «фактами» будут не какие-то научные открытия или интроспективно наблюдаемые события, а то, что публично наблюдаемо. Это *факты физического поведения и вербальные факты*: только они делают возможным перевод их на лингвистический уровень и верификацию по критерию истинности.

Отбросив психологизм, Карнап с надеждой обратился к бихевиоризму с его центральным понятием «поведение» (сначала он ориентировался на немецкие варианты бихевиоризма, а позднее, в США, его привлекла скиннеровская версия): «Представленная здесь позиция в основных чертах совпадает с тем направлением в психологии, которое обозначается как “бихевиоризм”, или “поведенческая психология”, если мы примем во внимание теоретико-познавательное основоположение этого направления и отвлечемся от его специфических методов и эмпирических результатов»⁶.

В случае животных в качестве материала выступает их физическое поведение, а в случае человека — поведение вербализованное, «которое в своей основе не отличается от других поведений». Иначе говоря, предметом психологии являются не непосредственные чувственные данные, интенции, верования, ментальные события, а только физическое поведение и вербальные формы, выраженные в протокольных высказываниях.

Уже в 1930-е гг. неопозитивистам задавали вопрос: как быть с такими феноменами, как качественная окрашенность опыта, ценностные факты и субъективные переживания личности? Эти вопросы они отнесли к «иррациональным сферам». Загадки жизни и смерти, говорил Карнап, являются не теоретическими вопросами, а «жизненными ситуациями», к которым философия не имеет отношения. Задавался также вопрос о том, как решается проблема сознания/тела. Эта проблема представлялась ему метафизической и нерешаемой.

Конечно, признавал Карнап, физикалистский взгляд на психологию вызывает у людей сопротивление — чувство, которое всегда возникает при свержении привычных идолов. Тем не менее, физикализм следует рассматривать как завершающий этап длительной эволюции человеческого знания, ведущий к развенчанию антропоцентричного взгляда на человека как уникальное явление во Вселенной.

«Коперник лишил человека превосходства его центрального положения во Вселенной; Дарвин отнял у него достоинство особого сверх-животного существа; Маркс низверг факторы, каузально объясняющие ход истории, из сферы идей в сферу материальных событий; Ницше лишил истоки морали их ореола; Фрейд отправил факторы, каузально объясняющие представления и поступки людей, в темные глубины, в “низменные” области. Известно, насколько это эмоциональное сопротивление мешало спокойной, объективной проверке этих теорий. Теперь же психология, которая до сих пор, как теория психических и духовных процессов, обладала определенным рода превосходством, должна быть низведена до того, чтобы стать частью физики»⁷.

В более поздних работах Карнап, не теряя оптимизма в отношении движения знания в сторону объективации, формализации и «единой

науки», предлагал более «мягкие» (толерантные) трактовки принципов физикализма и редукционизма. (Но мы не будем рассматривать эволюцию его взглядов.)

Программа неопозитивистов была подвергнута критике по множеству принципиальных параметров. Ее изъяны выделялись в эмпирическом фундаментализме, в неправомерности принципа жесткой редукции теоретического и эмпирического, в формализме и логичизме и многом другом. Говорилось о том, что метод трансляции психического к физикалистскому, хотя и претендовал на «теорию», скорее был *идеологическим проектом*, реализация которого выделялась в тумане. Говорилось и об иллюзорности преодоления метафизики путем перевода традиционных проблем на метаязыковой уровень. В этом случае онтологизации подвергались знаковые системы и логические правила языка, они превращались в конечные предельные основания мира.

Сегодня концепции неопозитивистов чаще всего помещают в разделы об истории методологии науки в XX в., и к ним редко обращаются в дискуссиях. На наш взгляд, такое забвение неоправдано. На самом деле неопозитивизм жив, во всяком случае, имплицитно. Можно сказать, что многие неопозитивистские новации продолжают работать как регулятивные идеалы. Философия может оставаться живой не в своей оригинальной форме, а в том, что она задала парадигмы, тренды, обозначила новые проблемы, предложила новую стилистику мышления. (Достаточно сравнить стилистику неопозитивистов с той, которая была присуща Дж. Ройсу, Ф. Брэдли и даже Дж. Дьюи.)

Обозначенная Карнапом дилемма «эмпирический фундаментализм *versus* антифундаментализм» по-прежнему стоит на повестке дня. Сегодня никто не спорит, что расширение объяснительных возможностей науки происходит с помощью эмпирических редукционистских методов, которые позволяют получать эффективные результаты и обнаруживать новые причинные связи явлений. Правда многие философы (и ученые) оговаривают, что проекты свести психическое к чему-то физическому ни на эмпирическом, ни на лингвистическом уровне не идут дальше спекулятивных гипотез.

Нынешние споры о «каузальной закрытой физической Вселенной» — это продолжение споров неопозитивистов о «единой науке». А металингвистический уровень обсуждения этой проблемы в аналитической философии тоже является наследием неопозитивизма. Регулятивный идеал «единой науки» предполагал возможность нахождения методологических приемов, позволяющих сводить психологию к нейрофизиологии, нейрофизиологию к биологии, биологию к химии, химию к физике. Сторонники междисциплинарных исследований не теряют надежду найти «связующие законы» разных дисциплин.

Правда, пока никто не смог привести весомые аргументы в пользу существования таких законов.

Не сошел со сцены и бихевиоризм, на который делали ставку Рудольф Карнап и Карл Гемпель. Явные симпатии к бихевиоризму проявлял Уиллард Куайн, а Дэниела Деннета можно считать создателем особой версии бихевиоризма. Можно также напомнить, что метафизическим посылом этих двух авторов являются тезис о «каузальной закрытости физической Вселенной» и идеал «единой науки».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Юлина Н.С. Что такое физикализм? Сознание, редукция, наука // Философия науки. Вып. 12: Феномен сознания. – М.: ИФ РАН, 2006. С. 9 – 42.

² См.: Карнап Р. Физикалистский язык как универсальный язык науки / пер. с нем. А.Л. Никифорова // Философия и естествознание. Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. – М.: Идея-Пресс; «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 170 – 212.

³ Карнап Р. Психология на языке физики // Философские науки. 2013. № 1. С. 126.

⁴ Там же. С. 143.

⁵ См. там же. С. 127. В публикуемом переводе употребляется другая терминология: метод перевода («трансляции»), «содержательный способ выражения» (материальный модус речи), «формальный способ выражения» (формальный модус речи), «предложения взаимопереводимы» (взаимотранслируемы).

⁶ Карнап Р. Психология на языке физики. С. 134.

⁷ Там же. С. 128.